

Я своё заброшу дело,
Я пойду куда давно
Я уже пойти хотела —
В престарелое кино...

Живёт в Москве поэт. Свои стихи поёт как песни. И песни эти чудесны. В них особый мир. Он сказочен и печален, разноцветен и пронзителен. Так бывает всегда, когда открываешь сам себя, точнее — самого себя. Вот и у этого поэта есть песня „Я сама себе открыла“. Догадались? Верно — Вероника Долина. Мы попросили её рассказать о детских кинопечатлениях. И вот поэт вспоминает, возникают образы от стихов-песен.

Ничего не помню больше —
Нет и не было покоя,
Детство билось о края.
— Няня, что это такое?
— Детка, что ж это такое?
Это — Сретенка твоа.

— До семи лет я жила на Сретенке, и ближайшим оказывался уютный кинотеатр „Уран“. Давно его закрыли, но помню, как папа кормил меня в тёмном зале мандаринами, а на экране вышагивал великан Гулливер. За углом от бывшего „Урана“ и по сей день трудятся старенький „Форуи“. Там в моих детских воспоминаниях живет чешский фильм о бравом солдате Швейке. Сказки в те годы сходили ко мне и с экрана, и из толстых уютных книжек.

Я разелечь вас постарую
Старомодной пасторалью.
От немецкой сказки в детской
Ветвь пыльную и теплою.
Кто-то их опять читает
И страницы не считает,
И незрими, братья Гриммы
Проплывают за стеклом.

— Потом мы переехали на Сокол. Отрочество — конец 60-х, кинотеатры „Ленинград“ и „Дружба“. Но вот в чём дело: я не киноман. Девочкой любила театр, хотела стать актрисой, а кино... Это, как у всех. Тогда шла волна любви к польским картинам. Я застала её на излёте лентой о польском Штирлице, которого играл Ста-

„ДЕТСТВО БИЛОСЬ О КРАЯ...“

нислав Микулский. И устоять перед обаянием этого актёра было невозможно.

Детективы, захватывающее кино — это всё моё. Помню, была в юности очарована опять же польским фильмом „Рукопись, найденная в Сарагосе“. Ну а когда пошел бессмертный французский „Фанфан-Тюльпан“, то в школе случился капитальный прогул.

Вот я — сутулая, чумазая.
За сверстницами не попевшая.
Как юный суслик, черноглазая.
Как старый ослик, поседевшая.
Давай считать моё батрачество
За баловство и за лихачество.
Лохань стихов — лохань белья,
Лихая линия моя...

— Вообще-то я училась прилежно, но вот в восьмом классе повадилась пропускать денёчек в неделю — садилась на автобус и ехала несколько остановок до кинотеатра „Динамо“. С ним у меня завела многолетняя привязанность к романтическому румынскому фильму, замаскированному под неяркое название „Всего один месяц“. Там лишь два действующих лица: он и она. Ну, и конечно, — любовь.

А вот ещё история. В своё время я пропустила всеми восхваляемый французский фильм „Мужчина и женщина“. Ослила его совсем недавно. Увы, это оказа-

лась мелодрама, а жанр сей для меня не приемлем.

Мне сын рассказывает сон:
Там серый ослик, старый слон
И мотылёк — цветной флажок,
Который крылышки обжёг...
Мне сын рассказывает сон.
Мне, слава богу, верит он!
Я растолкую и пойму,
Зачем приснился сон ему.

— Из того, что любят смотреть моя близкие, многое совпадает: страстно любят детективы, романтические фильмы серьёзное, психологическое кино. Не так давно ходила я со своими детьми на фильм Марка Захарова по пьесе Евгения Шварца „Убить дракона“. Ну, к этому мой дом был подготовлен. Пьесу знают у нас наизусть. Фильм брестящий, и мы боготворим Олега Ивановича Янковского.

Играйте все зтоды Черни!
И никакой на свете скверне
На овших пальцах — не бывать.
Все десять заняты зтюдом,
На вид трудом, по сути — чудом,
Не будем это забывать!
А звук прелиудий Майксона!
А смены холоде и жара,
Которых стоил мне урок!
И как тогда мне игралось,

Откуда что бралась и брёлось?
Какой во мне, безруккой, прок?

— Но ведь кино — это и кинопесня. В юности моей там царствовали Булат Окуджава и Юлий Ким. Если же говорить о зарубежном кинематографе, то были, конечно, „Шербургские зонтики“, которые „прокололи“ нас сквозь (хоть это и мелодрама!).

Сама пишу для кино чуть-чуть. Был такой фильм на Одесской киностудии „Свадебный подарок“. Там несколько моих песен. Правда, чужими устами поются и с подправленным текстом. Была там, кстати, песня „То ли кошка, то ли птица“. Про молодую метущуюся женщину, которая вскакивает на подоконник и ты-ты... То ли улетела, то ли выпрыгнула — понимай, как хочешь. Потом был очень сланный фильм, который делал мой товарищ — режиссёр Павел Чухрай, „Клетка для канареек“. Эта картина вся в моей товальности, я её очень люблю и горжусь, что поработала для неё. А однажды пригласили на студию Довженко писать песни к фильму „Новые приключения янки при дворе короля Артура“. Я кинулась бегом, потому что это, во-первых, сказка. Во-вторых, с юмором. В-третьих, на современный лад. Сочинилось штук двенадцать песен, но, увы, взяли только четыре. Зато включили другие виды музыки: классику, стилизованное средневековье... Жаль только, что фильм вышел плачевным. В него заложили антиамериканскую идею. Я пыталась что-то внушить режиссёру, но тщетно. И мне жаль своих усилий. Ещё написала песенку для телефильма „Когда мне будет 54 года“. Поправился сценарий. Это о крушении великого поколения шестидесятых годов. Недавно отнесла десять песен режиссёру картины „Эмигранты“ Сергею Стародубцеву. Вообще раньше я была наполнена хорошим зарядом для творчества в кинематографе, могла много больше сделать, но, очевидно, „исезучка“, как сказали бы читатели вашего журнала.

Ты полетишь над домом и над дымом.
Ты полетишь над Прагой и над Римом.
И тот еще окажется счастливым,
Кто издали приметит твой полет...
Пусть в комнатке твоей сегодня душно,
Земони — ты прекрасна, ты воздушна,
Ты только струям воздуха послушна —
Не бойся, всё с тобой произойдет!

Рассказ и отрывки из песен
Вероники Аркадьевны Долиной
записала Маша и Леня Икольников